

3. Природа и функция фантазии

С. Айзекс

Введение

1. Методы исследования:

а) метод наблюдения;

б) метод психоанализа; ситуация переноса; психическая жизнь до двухлетнего возраста.

2. Природа и функция фантазии:

повседневное использование термина «фантазия»; фантазия как первичное содержание бессознательных психических процессов; галлюцинации и первичная интроекция; трудности раннего развития, возникающие из-за фантазий; фантазии и слова; фантазии и чувственные переживания; связь ранних фантазий с первичным процессом; инстинкт, фантазия и механизм; фантазия, образы памяти и реальность.

Введение

Обзор работ по психоаналитической теории показывает, что термин «фантазия» используется в самых разных значениях различными авторами и в разное время. Сегодняшнее его использование стало значительно шире, чем ранее.

Большая часть этого расширения содержания остается скрытой. Пришло время рассмотреть значение термина более отчетливо (Прим. 1).

Когда намеренно или случайно расширяется значение технического термина, происходит это в связи с важной причиной: этого требуют факты и объясняющие их теоретические конструкции. Именно отношения между фактами нуждаются в более детальном исследовании и прояснении. Эта глава в большей степени посвящена определению «фантазии», т. е. описанию серии фактов, которые данный термин помогает нам идентифицировать, организовать и связать с другими сериями фактов. Большая часть нижеизложенного состоит из тщательного изучения взаимоотношений между различными психическими процессами.

По мере продвижения психоаналитической работы, особенно, анализа маленьких детей, и расширения наших знаний о ранних этапах психического развития, понимание взаимоотношений между ранними психическими процессами и более поздними, специализированными видами психической деятельности, обычно называемыми «фантазиями», привело нас к расширению понятия «фантазия» в том смысле, о котором будет сказано ниже. (Тенденция к расширению значения термина очевидна во многих работах Фрейда, включая и обсуждение бессознательных фантазий.)

Следует показать, что определенные психические феномены, которые были описаны различными авторами в общем, не обязательно в связи с

термином «фантазия», на самом деле предполагают деятельность бессознательных фантазий. Соотнеся эти феномены с бессознательными фантазиями, можно достичь лучшего понимания их истинных взаимоотношений с другими психическими процессами, оценить по достоинству их функцию и значение в психической жизни.

Эта глава не призвана установить какое-либо определенное содержание фантазии. Она посвящена природе и функции фантазии в целом и ее месту в психической жизни. Реальные примеры фантазий будут использованы для иллюстративных целей, но не предполагается, что эти примеры разъясняют вопрос. Они и не отбирались систематически. В действительности те же самые доказательства, которые подтверждают существование фантазий даже в самом раннем возрасте, дают некоторые указания относительно их конкретного характера. Однако принятие общих доказательств активности фантазий с самого начала жизни и места фантазии в психической жизни в целом не означает автоматического принятия определенного содержания фантазий в определенном возрасте. Связь содержания с возрастом может стать понятной из последующих глав, которым данная глава прокладывает путь разработкой общих положений.

Чтобы понять природу и функцию фантазии в психической жизни, необходимо исследовать ранние стадии психического развития, примерно три первых года жизни. Часто мы слышим скептические замечания по поводу возможности понять психическую жизнь первых лет вообще — в противоположность наблюдению последовательности и развития поведения. На самом деле мы далеки от стремления положиться на простое воображение или на игру в отгадки, даже если это касается первого года жизни. Когда все наблюдаемые факты поведения рассматриваются в свете аналитического знания, полученного от взрослых и детей старше двух лет, с которыми устанавливается связь согласно аналитическим принципам, мы приходим к гипотезам, имеющим высокую степень достоверности, и некоторым убеждениям относительно ранних психических процессов.

Наши взгляды на фантазии раннего возраста почти полностью основаны на предположениях, но это истинно для любого возраста.

Бессознательные фантазии всегда выводятся, а не исследуются прямым наблюдением, техника психоанализа в целом основана на выводимом знании. Как часто подчеркивается, подразумевая и взрослого, пациент не говорит нам прямо ни о своих бессознательных фантазиях, ни о предсознательном сопротивлении. Мы часто можем наблюдать чувства и отношения, которые не осознаются самим пациентом. Эти и многие другие наблюдаемые данные (вроде тех, что приведены ниже) делают для нас возможным и даже необходимым сделать вывод, что в данном случае действуют такие-то сопротивления или фантазии. Это — истинно как для маленьких детей, так и для взрослых.

Данные, которые мы рассмотрим здесь, трех видов. Представленные выводы основаны на слиянии этих линий доказательств.

А) Рассмотрение отношений между определенно установленными фактами и теориями, многие из которых хотя и известны в

психоаналитических кругах, разрабатываются относительно изолированно. Рассмотренные в целом, эти отношения требуют выдвижения новых постулатов, которые и будут предложены. С помощью этих постулатов достигается более высокая степень интеграции и адекватность понимания.

Б) Клинические данные, полученные аналитиками из анализа детей и взрослых всех возрастов.

В) Данные наблюдений (неаналитические наблюдения и экспериментальные данные) за младенцами и маленькими детьми с помощью различных средств, полученных в распоряжение наукой о детском развитии.

1. Методы изучения

А) Методы наблюдения

Прежде чем рассмотреть наше основное положение, полезно сделать краткий обзор фундаментальных принципов метода, который снабжает нас материалом для выводов относительно природы и функции фантазии и который представлен как в клинических (психоаналитических) исследованиях, так и в последних исследованиях, посвященных развитию поведения.

Многообразные техники для исследования определенных аспектов детского развития были разработаны в последние годы. Примечателен тот факт, что исследования с помощью наблюдения, касающиеся развития личности и социальных взаимоотношений, особенно те, которые стремятся достичь понимания мотивов и психических процессов вообще, уделяют все больше внимания определенным методологическим принципам, которые мы сейчас обсудим. Эти принципы делают их ближе к клиническим исследованиям, формируя ценную связь между методом наблюдения и аналитической техникой. Это: а) внимание к деталям; б) наблюдение контекста; в) изучение генетической непрерывности.

а) Все серьезные работы в области детской психологии в последние годы могут быть приведены в качестве примеров растущего почтения к необходимости повышенного внимания к точным деталям детского поведения, каков бы ни был научный интерес: эмоциональные, социальные, интеллектуальные, моторные или манипулятивные навыки, восприятие или речь. Исследования раннего развития Гиззел, Ширли, Бейли и многих других служат примером этого принципа. Такими примерами могут быть и исследования поведения младенцев, проведенные Д.В. Винникотт и М.М. Миддлмор (Прим. 2). Исследования поведения детей в ситуации кормления, проведенные Миддлмор, продемонстрировали, насколько разнообразны и сложны оказываются даже ранние реакции младенцев, если их отмечать и сравнивать в мельчайших деталях, и насколько сильно тонкие переживания ребенка, например, при укачивании или кормлении, влияют на успешность развития чувств и фантазий, а также психической жизни вообще.

Большая часть наблюдательной и экспериментальной техник разработана для облегчения точных наблюдений и регистрации деталей поведения. Позже мы вернемся к большому значению этого принципа в психоаналитической работе и тому, как это помогает нам открыть содержание ранних фантазий.

б) Принцип регистрации контекста наблюдаемых данных имеет важнейшее значение, как в случае конкретного примера или разновидности социального поведения, так и в отношении конкретной игры, вопросов, задаваемых ребенком, стадий развития речи — какими бы ни были наблюдаемые данные. Под «контекстом» я понимаю не просто описание последовательности поведенческих актов, но также и все непосредственные условия (setting) этого поведения, его эмоциональную и социальную ситуацию. В отношении фантазии, например, мы должны отмечать, когда ребенок сказал то или это, играл в ту или иную игру, воспроизводил тот или другой ритуал, овладел (или утратил) тот или другой навык, требовал или отказался от определенной награды, демонстрировал признаки тревоги, потрясения, триумфа, веселья, аффектации или других эмоций? Кто присутствовал или отсутствовал в это время, каково общее эмоциональное отношение или чувства в данный момент в отношении этих взрослых или товарищей по игре, какие потери, ограничения, удовлетворения переживались недавно или предполагаются теперь? И так далее и тому подобное.

Важность этих принципов изучения психологического содержания конкретных данных психической жизни все в большей степени понимается исследователями детского поведения, будет ли это интерес к особенностям психического развития или к возникновению конкретных форм поведения. Можно привести множество примеров, например, изучение врожденных основ страха СУ. Валентайна, развития речи у младенцев М.М. Льюис, развития симпатии у маленьких детей Л.Б. Мёрфи (Прим. 2).

Работа Мёрфи особенно ярко показала, как необходим этот принцип в изучении социальных взаимоотношений, и насколько он более плодотворен, чем любые чисто количественные или статистические подходы, или изучение черт личности, производимые безотносительно к контексту.

Одним из выдающихся примеров того, как внимание к точным деталям в их общем контексте может открыть значение поведения во внутренней психической жизни ребенка, является описание игры 18-месячного мальчика, сделанное Фрейдом. Этот мальчик был нормальным ребенком среднего интеллектуального развития и в целом хорошего поведения. Фрейд пишет: «Он не беспокоил родителей по ночам, честно соблюдал запрещение трогать некоторые вещи и ходить куда нельзя и, прежде всего, он никогда не плакал, когда мать оставляла его на целые часы, хотя он и был нежно привязан к матери, которая не только сама кормила своего ребенка, но и без всякой посторонней помощи ухаживала за ним и нянчила его. Этот славный ребенок обнаружил беспокойную привычку забрасывать все маленькие предметы, которые ему попадали, далеко от себя в угол комнаты, под

кровать и проч., так что разыскивание и собирание его игрушек представляло немалую работу. При этом он произносил с выражением заинтересованности и удовлетворения громкое и продолжительное «о-о-о-о!», которое, по единогласному мнению его матери и наблюдателя, было не просто междометием, но означало «прочь» (Fort). Я наконец заметил, что это игра и что ребенок все свои игрушки употреблял только для того, чтобы играть ими, отбрасывая их прочь. Однажды я сделал наблюдение, которое укрепило это мое предположение. У ребенка была деревянная катушка, которая была обвита ниткой. Ему никогда не приходило в голову, например, тащить ее за собой по полу, т. е. пытаться играть с ней как с тележкой, но он бросал ее с большой ловкостью, держа за нитку, за сетку своей кровати, так что катушка исчезала за ней, и произносил при этом свое многозначительное «о-о-о-о!», вытаскивал затем катушку за нитку, снова из кровати, и встречал ее появление радостным «тут» (Da). Это была законченная игра, исчезновение и появление, из которых по большей части можно было наблюдать только первый акт, который сам по себе повторялся без усталости в качестве игры, хотя большее удовольствие, безусловно, связывалось со вторым актом.

Толкование игры не представляло уже труда. Оно находилось в связи с большой культурной работой ребенка над самим собой, с ограничением своих влечений (отказом от их удовлетворения), сказавшимся в том, что ребенок не сопротивлялся больше уходу матери. Он возмещал себе этот отказ тем, что посредством бывших в его распоряжении предметов сам представлял такое исчезновение и появление как бы на сцене».

Позже Фрейд заметил еще некоторые детали в поведении мальчика. «Когда однажды мать отсутствовала несколько часов, она была по своему возвращении встречена известием «Беби о-о-о!», которое вначале осталось непонятным. Скоро обнаружилось, что ребенок во время этого долгого одиночества нашел для себя средство исчезнуть. Он открыл свое изображение в стоячем зеркале, спускавшемся почти до полу, и затем приседал на корточки, так что изображение в зеркале уходило «прочь».

Наблюдение звуковой детали, которой мальчик приветствовал возвращение своей матери, привлекло внимание к удовольствию, которое ребенок получал от исчезновения и появления своего отражения в зеркале, что было убедительным доказательством его триумфа в контроле чувства потери с помощью игры как примирения с отсутствием матери.

Фрейд также обратил внимание на игру мальчика с деревянным кольцом и на такие отдаленные факты, о которых многие наблюдатели подумали бы, что они не имеют отношения к этой ситуации: отношения ребенка с его матерью, его аффектация и послушание, его способность воздерживаться от причинения ей беспокойства и разрешение ее отсутствия в течение многих часов без нытья и протестов. Так Фрейд пришел к пониманию значения игры ребенка в его социальной и эмоциональной жизни, заключив, что удовольствие от отбрасывания и возвращения материальных объектов было удовлетворением в фантазии желания контроля над приходами и уходами матери. На этом основании ребенок мог переносить ее реальные ухода и оставаться при

этом любящим и послушным.

Принцип наблюдения контекста, как, например, внимание к деталям, является неотъемлемым элементом техники психоанализа, проводимого и у детей, и у взрослых.

в) Третий фундаментальный принцип, ценный как для наблюдений, так и для аналитических исследований, — принцип генетической непрерывности.

Опыт доказал, что в каждом аспекте психического развития (так же как и физического), будет ли это поза, моторный и манипулятивный навык, восприятие, воображение, язык или ранняя логика, каждая данная фаза развивается из предшествующих фаз путем, который может быть описан вообще и в конкретных деталях. Эта установленная общая истина служит путеводителем в дальнейших наблюдениях. Все исследования развития (например, Гиззел и Ширли) основаны на этом принципе. Это не означает, что развитие все время происходит в одинаковом ритме. Есть отчетливые кризисы роста, интеграция которых по самой их природе ведет к радикальному изменению переживаний и обеспечивает последующие достижения. Например, обучение ходьбе является таким кризисом. Как бы ни была драматична ходьба в тех изменениях, которые она приносит в мир ребенка, настоящая ходьба является результатом длительной цепочки развития координации. Научение разговорной речи — другой такой кризис; но опять-таки каждый из нас долго готовится и предвосхищает эту способность во всех деталях прежде, чем она установится. Так же правдой является то, что определение способности говорить чисто конвенционально. Обычно она определяется как способность произносить два слова, компромиссный стандарт, используемый в целях сравнения, а не для обесценивания дальнейшего развития. Как часто демонстрировалось, развитие речи начинается со звуков, издаваемых ребенком, когда он голоден или в процессе кормления с первых недель жизни. С другой стороны, изменения, происходящие после овладения первыми словами, столь же разнообразны и сложны, как и те, которые происходят до этого момента.

Один аспект развития речи имеет особое значение для наших насущных проблем: понимание слов намного опережает способность их использовать. Реальное время от того момента, когда ребенок демонстрирует достаточно полное понимание того, что ему говорят или что говорится в его присутствии, до самостоятельного использования слов варьируется у разных детей. У некоторых высокоинтеллектуальных детей интервал между пониманием и использованием слов может составить один год. Этот перерыв между пониманием и использованием наблюдается в течение всего детства. Многие другие интеллектуальные процессы также выражаются в действиях задолго до того, как они могут быть выражены словами (Прим. 2).

Примеры рудиментарных мыслей, проявляющихся в действиях и в речи со второго года жизни приведены в исследованиях речевого развития М.М. Льюис. Экспериментальное исследование логического мышления, проведенное Хэзлитт и другими, демонстрирует работу того же

принципа в более поздние годы (Прим. 2).

Общий факт генетической непрерывности, в частности, в речевом развитии, имеет особое значение в связи со следующим вопросом: «Активны ли фантазии у ребенка в то время, когда определенные влечения впервые начинают доминировать над его поведением и его чувствами, или они становятся активными лишь ретроспективно, когда он может выразить свои переживания словами?». Доказательства убедительно свидетельствуют в пользу того, что фантазии активизируются вместе с влечениями, из которых они возникают.

Генетическая непрерывность характерна для любого аспекта развития во всех возрастах. Нет причин сомневаться в том, что она истинна для фантазий также, как для поведения и логического мышления. На самом деле, не является ли большим достижением психоанализа демонстрация того, что развитие инстинктивной жизни, например, имеет непрерывность, не понимаемую до работ Фрейда? Суть фрейдовской теории сексуальности заключается именно в факте прослеживания детальной непрерывности развития.

Возможно, ни один психоаналитик не подвергнет сомнению этот абстрактный принцип, но не всегда принимается то, что стоит за ним. Установленный принцип генетической непрерывности является конкретным инструментом познания. Он вынуждает нас не принимать ни один факт поведения или психический процесс как *suī generis*, готовую или внезапно возникшую данность, но рассматривать их как этапы развивающейся последовательности. Мы стремимся проследить их назад через ранние и рудиментарные формы к самым зачаточным. Точно так же от нас требуется рассмотрение фактов как проявлений процесса роста, который приведет к более поздним и более развитым формам. Необходимо не только изучать желудь, чтобы понять дуб, но и знать дуб, чтобы понять желудь (Прим. 2).

Б) Метод психоанализа

Три вышеперечисленных способа получения данных о психической жизни — регистрация контекста, наблюдение деталей и рассмотрение фактов в процессе развития — являются неотъемлемыми аспектами работы психоанализа. Они на самом деле являются дыханием его жизни и служат для прояснения природы и функций фантазии, равно как и других психических феноменов.

Наблюдение деталей и контекста настолько тесно связаны в аналитической работе, что их необходимо вкратце рассмотреть вместе. Работая с взрослыми пациентами и детьми, аналитик не только слушает все детали актуального содержания замечаний и ассоциаций пациента (включая то, что сказано, и то, что не сказано), но и отмечает, где был сделан акцент и насколько он соответствует ситуации. Повторения сказанного в необычном аффективном и ассоциативном контексте; изменения в рассказе пациента о событиях прошлого и в описаниях людей из его окружения; происходящие время от времени изменения в способах обращения к людям и обстоятельствам (включая имена,

